

**УТОПИЯ
XIX ВЕКА
ПРОЕКТЫ РАЯ**

**УТОПИЯ
XIX ВЕКА**
ПРОЕКТЫ РАЯ

Э. Беллами
Э. Бульвер-Литтон
У. Моррис

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
У85

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского

Н. Соколовой, Ф. Зинина, А. Каменского

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

У85 **Утопия XIX века. Проекты рая** : [сборник : перевод с английского] / Эдвард Беллами, Уильям Моррис, Эдвард Бульвер-Литтон. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 608 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-114687-0

Вдохновенный поэт и художник-прерафаэлит Уильям Моррис, профессиональный журналист Эдвард Беллами, популярный писатель Эдвард Бульвер-Литтон представляют читателю три варианта «прекрасного далёко» — общества, поднявшегося до невероятных вершин развития и основанного на всеобщем равенстве.

Романы эти, созданные в последней трети XIX века, вызвали в обществе многочисленные жаркие дискуссии. Всеобщая трудовая повинность или творческий подход к отдельной личности? Всем всё поровну или следует вводить шкалы потребностей?

Возможно ли создать будущее, в котором хотелось бы жить каждому?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-114687-0

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Эдвард Бульвер-Литтон

ГРЯДУЩАЯ РАСА

I

Я уроженец города... в Соединенных Штатах Америки. Предки мои переселились сюда из Англии еще в царствование Карла II; дед мой не без отличия участвовал в войне за освобождение. Поэтому наша семья уже по своему происхождению занимала довольно видное общественное положение; мои родные были к тому же людьми состоятельными, но почему-то считались непригодными для общественной службы в нашей свободной стране. Мой отец как-то пробовал попасть в конгресс, но потерпел жестокое поражение, и на выборах восторжествовал его противник. После этого он мало интересовался политикой, и большую часть времени проводил в своей библиотеке. Я был старшим из трех сыновей; шестнадцати лет меня послали в старую страну отчасти для окончания моего образования, а также, чтобы я приучился к коммерческому делу в конторе одной знакомой ливерпульской фирмы. Отец мой умер вскоре после того, как мне минуло двадцать один год; и так как я был хорошо обеспечен и питал склонность к путешествиям и всяким приключениям, то, бросив на время погоню за всемогущим долларом, я совершенно отдался бесцельным странствованиям по всему свету.

В 18, проезжая местечко, я встретился с одним знакомым мне горным инженером, который предложил мне осмотреть рудник, находившийся в его заведывании.

Читатель, вероятно, догадается еще до окончания моего рассказа, почему я скрываю название той местности, где происходили описываемые мною события, и может

быть поблагодарит меня за то, что я воздержался в своем рассказе от всяких указаний, которые послужили бы ключом к ее открытию.

Буду по возможности краток и скажу только, что я сопровождал инженера в глубины рудника; мрачные чудеса этого подземного мира до того очаровали меня и я так заинтересовался исследованиями моего приятеля, что продлил срок моего пребывания в этой местности, и каждый день в течение нескольких недель спускался в эти подземные галереи и пещеры, — частью пробитые руками человека, частью созданные самой природою. По мнению инженера, самые богатые залежи минеральной руды должны были обнаружиться в новой, начатой им шахте. Во время работ по ее углублению мы однажды дошли до глубокой трещины с изорванными и, видимо, обугленными краями, как будто разрыв породы произошел здесь под действием вулканической силы в какой-нибудь отдаленный геологический период. В эту трещину инженер приказал рабочим опустить себя в «корзине», испробовав предварительно посредством предохранительной лампы состояние ее атмосферы. Почти целый час он оставался в пропасти. Когда его подняли, он был бледен как смерть, и на его лице было какое-то беспокойное, сосредоточенно-задумчивое выражение, которое не имело ничего общего с его обыкновенным бодрым, веселым взглядом.

Он сказал только, что спуск показался ему небезопасным и не привел ни к каким результатам. После того он тотчас остановил работы по углублению шахты, и мы перешли к другим, более знакомым частям рудника.

Весь этот день инженер казался поглощенным одною какою-то мыслью. Он сделался молчаливым, и в его глазах было какое-то испуганное, растерянное выражение, точно у человека видевшего привидение. Вечером, когда мы сидели в нашей общей квартире близ шахты, я обратился с вопросом к моему приятелю:

— Скажите откровенно, что такое вы видели в пропасти? Я уверен — что-нибудь странное и ужасное. Вас,

наверное, мучит какое-то сомнение. В таком случае два ума лучше одного. Поверьте мне вашу тайну.

Инженер долго пытался уклониться от прямого ответа на мой вопрос; но по мере того, как во время нашего разговора он машинально подливал себе в стакан из стоявшей на столе фляжки с ромом, — а обыкновенно это был человек крайне воздержанный и не привыкший к употреблению спирта, — его сдержанность постепенно исчезала. Тот, кто желает сохранить про себя свои мысли, должен уподобиться бессловесным существам и пить одну воду. Наконец он обратился ко мне со следующими словами:

— Я расскажу вам все. Корзина моя остановилась на краю довольно глубокого обрыва, спускавшегося в наклонном положении; бывшая со мною лампа не могла осветить наполнявший его мрак. Но из глубины его, к моему величайшему удивлению, исходил луч ровного, яркого света. Неужто это был огонь вулкана? Но тогда я ощущал бы теплоту. Как бы там ни было, всякое сомнение на этот счет грозило неминуемою опасностью нашему руднику. Я тщательно осмотрел стороны обрыва и убедился, что могу рискнуть спуститься хотя бы на некоторую глубину по выдающимся с боков его неровностям и выступам. Я вылез из корзины и стал спускаться. По мере того как я приближался к замеченному мною свету, расщелина становилась все шире, и наконец я увидел, к своему невыразимому удивлению, в глубине пропасти долину, с широкою ровною дорогой, освещенной на всем ее протяжении, насколько мне было видно, правильно расставленными фонарями, как на улице большого города; до меня также смутно доносился шум точно человеческих голосов. Мне хорошо известно, что в этой местности не существует других рудников. Кому же принадлежали эти голоса? Что за люди провели эту дорогу и расставили по ней фонари?

Мне невольно стали приходиться в голову суеверия рудокопов о гномах и подземных демонах. Под влиянием охватившего меня ужаса я еле решился спускаться далее

навстречу этим таинственным подземным жителям. Да к тому же у меня не было и веревки, без помощи которой нельзя было достигнуть дна пропасти, так как стороны ее с этого места представляли совершенно гладкую вертикальную поверхность. С большим трудом я вскарабкался наверх. Теперь вы все знаете?

— Вы спуститесь опять!

— Я должен, но в то же время я колеблюсь.

— С верным товарищем путь наполовину короче, да и смелость удваивается, Я отправлюсь вместе с вами. Мы возьмем с собою надежные веревки достаточной длины — и... простите меня — вам не следует больше пить сегодня. Нужно, чтобы на завтра у нас были твердые руки и ноги.

II

С наступлением утра расстроенные нервы моего приятеля успокоились, и любопытство его было настолько же возбуждено, как и мое. Пожалуй, еще более; потому что он верил в свой рассказ, а я ощущал изрядное сомнение: конечно, не в том, чтобы он намеренно погрешил против истины; но мне казалось, что он был под влиянием одной из тех галлюцинаций, которым иногда подвергаются наши нервы и мозг в уединенных неведомых местах, причем мы видим несуществующие формы и слышим воображаемые звуки.

Мы выбрали шестерых опытных рудокопов, которые должны были следить за нашим спуском; так как в корзине мог поместиться только один человек, то инженер спустился первым, и как только он достиг того выступа, где останавливался в первый раз, корзину подняли за мною. Я скоро присоединился к нему. Мы взяли с собою связку крепких веревок.

Я был поражен не менее моего приятеля тем светом, который исходил из глубины наклонно идущей расщелины. Он напоминал мне ровно разлитый свет нашей

атмосферы; он нисколько не походил на отблеск огня, но был мягкий, серебристый, подобно лучам полярной звезды. Мы вылезли из корзины и сравнительно легко спустились по уступам скалы до той небольшой площадки, где остановился в первый раз мой приятель и где было как раз настолько места, что бы мы могли стоять рядом друг с другом. Отсюда расщелина шла вниз, быстро расширяясь, точно дымовой выход гигантской паровой трубы, и я отчетливо увидел долину, дорогу и фонари, ранее описанные моим товарищем. Он ничего не преувеличил в своем рассказе. Я слышал те же звуки — точно отдаленный смешанный шум человеческих голосов и людских шагов.

Напрягая мое зрение, я даже разглядел в дали очертания какого-то большого строения. Это не могла быть скала: для этого она была слишком правильной формы; виднелись громадные колонны, напоминающие египетские храмы; и все это освещалось каким-то внутренним светом. У меня была с собой подзорная труба, и при помощи ее я мог различить поблизости от строения две фигуры, похожие на людей, хотя я и не был вполне уверен в этом. Во всяком случае, это были живые существа, потому что они двигались и потом исчезли внутри строения. Мы тотчас начали укреплять, посредством железных скоб и крюков, с помощью захваченного с собою инструмента, конец веревки к тому маленькому выступу, на котором стояли.

Ни один звук не прерывал нашу работу. Мы работали молча, как люди, которым было страшно вымолвить слово. Укрепив один конец веревки к уступу скалы, мы привязали камень к другому концу и спустили его вниз, до земли, на глубину почти пятидесяти футов. Я был моложе и ловчее моего товарища; к тому же мальчиком мне приходилось служить на корабле; так что предстоящий нам способ передвижения был мне привычнее. Шепотом я потребовал, чтобы он предоставил мне спуститься первому, и я таким образом мог бы придержать для него нижний конец болтающейся веревки. Я благополучно добрался до земли, и теперь настал черед инжене-

ра. Но едва он спустился на десять футов от уступа, как наши крепления, которые казались такими надежными, сдали под его тяжестью вместе с частью самой скалы, и несчастный полетел вниз к моим ногам с обломками камня, одним из которых, — к счастью мелким, — ударило меня по голове, и я потерял сознание. Когда я пришел в себя, я увидел лежащую около меня безжизненную, обезображенную массу, представляющую все, что осталось от моего товарища. В то время как я склонился с невыразимым ужасом и горем над его трупом, я услышал поблизости от себя какой-то странный, шипящий звук; машинально повернувшись по направлению звука, я увидел высывающуюся из темной трещины в скале громадную ужасную голову, с открытой пастью и неподвижными голодными глазами, какого-то чудовищного пресмыкающегося, вроде аллигатора или крокодила, но по величине далеко превосходившего все, что мне приходилось видеть во время моих путешествий. Я вскочил на ноги и бросился бежать вниз по долине. Наконец мне сделалось стыдно моего бегства, я остановился и пошел назад к тому месту, где я оставил труп моего приятеля. Его уже не было; без сомнения, чудовище успело втащить его в свою нору и пожрало. Веревка с привязанным на конце крюком лежала на том же месте, куда упала, но я не мог ею воспользоваться: не было никакой возможности снова прикрепить ее к верхнему выступу скалы, и нечего было думать влезть наверх по этой гладкой каменной поверхности, которая высилась надо мною. Итак, я оставался теперь совершенно один в этом неведомом мире, в недрах земли.

III

Медленно и со страхом я шел по освещенной фонарями дороге, направляясь к описанному уже мною зданию. Сама дорога напоминала Альпийский проход, огибающий горную цепь; причем скала с расщелиною,

через которую я спустился, представляла одно из ее звеньев. Далеко внизу по левую руку перед моими удивленными глазами открывалась обширная долина с несомненными признаками культуры. Виднелись поля, покрытые странной растительностью, подобной которой я никогда не видел на земле; она была не зеленая, но скорее тускло-свинцового или красно-золотого цвета.

Я видел озера и речки с возделанными берегами; в некоторых из них была чистая вода, другие блестели как поверхность нефти. По правую руку открывались горные проходы между скалами, очевидно, созданные искусством и окаймленные группами деревьев, большею частью походивших на гигантские папоротники, с удивительно разнообразною перистою листвою и стволами как у пальм; другие походили на сахарный тростник, но гораздо выше и были покрыты массою цветов. Наконец некоторые из них имели вид громадных грибов с толстым коротким стволом, поддерживавшим куполообразную крышу, с которой поднимались вверх или опускались тонкие длинные ветви. Вся открывавшаяся предо мною местность во всех направлениях, насколько мог охватить глаз, сверкала бесчисленным множеством фонарей. В этом мире, лишенном солнца, было так же светло и тепло, как в Италии во время летнего полудня, но воздух был менее удушлив, и не чувствовалось жары. Открывавшаяся предо мною картина также не была лишена признаков жилья человеческого. Я видел вдали, по берегам озер и речек или на склонах гор, утопающие в растительности строения, которые, несомненно, были обитаемы человеком. Я даже мог различить, хотя очень далеко, двигающиеся посреди этого ландшафта фигуры, похожие на людей. В то время как я остановился в немом созерцании этой картины, я увидел с правой стороны нечто быстро пронесившееся в воздухе — точно маленькая лодка с парусами, похожими на крылья. Она скоро скрылась из вида и опустилась в чашу леса. Надо мною не было неба, но высился свод необъятной пещеры. Свод этот, казалось, подымался все выше и выше,

и, с увеличением расстояния, наконец совершенно исчезал в туманах верхних слоев атмосферы.

Продолжая мою прогулку, я спугнул из куста, похожего на запутанную массу морских водорослей, перемешанных с листьями растения вроде папоротника, и другого, похожего на алоэ, какое-то животное, напоминавшее по размеру и виду оленя. Отпрыгнув на несколько шагов, существо это с видимым любопытством устояло на меня, и тут я заметил, что оно несколько не походило на существующие теперь на земле виды этого животного, но живо напомнило мне гипсовый слепок одной исчезнувшей разновидности оленя, который я видел где-то в музее и который жил в прежние геологические периоды. Существо это казалось совершенно ручным и, посмотрев на меня, спокойно продолжало щипать траву с этого удивительного пастбища.

IV

Я теперь приблизился к самому строению. Да, это действительно была работа рук человеческих, хотя часть его была выдолблена в громадной скале. С первого взгляда оно напоминало ранние образцы египетской архитектуры. По фасаду его возвышался ряд громадных колонн, постепенно сужающихся от основания кверху, причем я заметил, приблизившись к постройке, что капители их были украшены более изящными орнаментами, чем в египетских постройках. Подобно тому, как капитель коринфского ордена является подражанием листьев *Acanthus*'а, так орнаменты на капителях этих колонн подражали листьям окружающей растительности: некоторые из них походили на алоэ, другие — на папоротник. Наконец в дверях здания показалась фигура... человека? Она остановилась на дороге и, окинув взглядом окрестность, увидела меня и стала приближаться. Она подошла ко мне на расстояние нескольких шагов; при виде ее какой-то неведомый ужас и трепет охватили

все мое существо, и я почувствовал себя прикованным к месту. Она напоминала мне те символические изображения гениев или демонов, которые мы видим на этрусских вазах или в виде барельефов на древних памятниках Востока: по очертаниям они походят на человека, но в то же время принадлежат к другой расе. Фигура была самого высокого роста, достигаемого человеком; но ее нельзя было назвать гигантом.

Ее главное одеяние состояло, по-видимому, из двух больших крыльев, сложенных на груди и спускающихся до колен; остальную часть ее одежды составляла туника и покровы для ног, сделанные из какой-то тончайшей ткани. На голове ее был надет род тиары, сверкавшей драгоценными камнями; в правой руке она держала тонкий металлический посох, блестящий как полированная сталь. Но лицо!.. Оно-то и приводило меня в трепет. Это было лицо человека, но по типу не похожее ни на одно из существующих племен. По очертаниям и выражению оно ближе подходило к изваянному лицу сфинкса: та же строгая правильность и покой, та же таинственная красота. Цвет кожи более всего напоминал краснокожее племя, хотя колер был гораздо нежнее и красивее; под изогнутыми дугою бровями светились полные мысли большие черные глаза. Лицо было без бороды; но что-то необъяснимое в его исполненном покое выражении, в этих чудных по красоте очертаниях пробуждало такой же инстинкт близкой опасности, как появление тигра или змеи. Я чувствовал, что этот человекоподобный образ обладал силами, враждебными человеку.

Когда он приблизился ко мне, холодная дрожь пробежала по всему моему телу. Я упал на колени и закрыл лицо руками.

V

Я услышал звуки голоса, весьма мягкого и музыкального; и хотя слова были для меня совершенно непонятны, но страх мой прошел. Я открыл лицо и поднял гла-